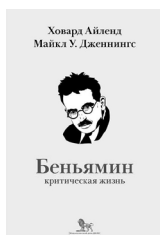

Революционная подвижность

Ховард Айленд, Майкл У. Дженнингс. Беньямин: критическая жизнь / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Издательский дом «Дело», 2017. — 720 с.

КНИГА «Беньямин: критическая жизнь» — это не только первая полномасштабная англоязычная биография Беньямина, но и, безусловно, наиболее полное и исчерпывающее исследование его жизненного пути в мировой литературе. Ее авторы посвятили Беньямину большую часть своей карьеры. Дженнингс, титульный редактор гарвардского собрания сочинений Беньямина, специализируется в Принстоне по культуре поздней Веймарской республики, занимается преимущественно авангардом. Айленд — соредатор трех томов из четырех; в настоящее время он преподает литературу в Массачусетском технологическом институте, а также работает над книгой о еврействе Беньямина.

При создании официальной биографии авторы придерживались стратегии чередования подробного описания личной жизни Беньямина с презентацией его основных работ в аналитическом ключе. Интерпретация трудов Беньямина вызывает громкие споры с тех самых пор, как Теодор и Гретель Адорно в 1955 году выпустили первое собрание его сочинений в двух томах на немецком языке, за которым в 1966 году последовал сборник его писем, подготовленный Адорно и Шолемом. Каждое из изданий подверглось критике со стороны студенческого движения за то, что они якобы неверным образом представляли идеи Беньямина. Первая антология на английском языке, «Озарения», редактором кото-

Перевод с английского *Марины Бендет* по изданию: © *Ogden B. A Revolutionary Mobile* // *New Left Review*. November–December 2014. № 90. P. 153–159. URL: <https://newleftreview.org/II/90/blair-ogden-a-revolutionary-mobile>. Публикуется с любезного разрешения редакции.

рой стала Ханна Арендт, была опубликована в 1968 году и выставила Беньямина совершенно в ином свете, нежели издания Адорно и Шолема. Разногласия касательно истолкования наследия философа не утихают и по сей день.

Во введении Айленд и Дженнингс излагают основной принцип своей работы:

Прежние работы, посвященные этому автору — как биографические, так и критические, — в большинстве своем отличались относительно выборочным подходом и навязывали такой тематический порядок, который обычно исключал из рассмотрения целые сферы его штудий. В результате читатель слишком часто получал частичный или, что еще хуже, мифологизированный и искаженный портрет. Авторы настоящей биографии стремились дать более всеобъемлющую картину, придерживаясь строгого хронологического порядка, делая акцент на повседневной реальности, служившей питательной средой для произведений Беньямина, и помещая его основные работы в соответствующий интеллектуально-исторический контекст (16).

Стратегия такого рода призвана обеспечить непредвзятость: при благоприятном стечении обстоятельств биография сведет вместе многочисленные противоречивые характеристики Беньямина — «огнедышащий коммунист», «неогегельянец Франкфуртской школы», «еврейский мистик мессианского толка», «ассимилированный еврей-космополит» и «литературный деконструктивист *avant la lettre*» (701). Исследовательское кредо Айленд и Дженнингс заимствовали у самого Беньямина: он говорил, что его идеи образуют «противоречивое и подвижное целое». Фраза эта стала лейтмотивом предлагаемого нам обзора:

Будущие поколения читателей, вне всякого сомнения, найдут и своего собственного Беньямина при встрече с тем «противоречивым и текучим целым», каким является его творчество (702).

Исходя из заявленной структуры, оценивать книгу следует в двух отношениях. Во-первых, что сообщает она нам о жизни Беньямина, чего мы доселе не знали? Его участие в романтическом *Schwärmerei*¹ молодежного движения в Германии перед Первой мировой войной; ранняя женитьба, дружба с Шолемом, отъезд в Швейцарию во избежание военной службы; безуспешная по-

1. Энтузиазм, увлечение (нем.). — Прим. пер.

пытка защитить докторскую диссертацию о *Trauerspiel*²; встреча с Асей Лацис на Капри, увлечение марксизмом, путешествие в Москву; художественная литература, журналистика, развод; общение с Адорно и Брехтом; бедность и отъезд в Париж; «Пассажи»; бегство в Испанию через Пиренеи, самоубийство — многаяжды раз описанный *via crucis*? Во-вторых, проясняет ли она для нас траекторию развития идей Бенямина и их сложность? Вот лишь пара вопросов, которые прежде всего ставит перед нами настоящая биография.

Сама эмпирическая плотность реконструкции творческого пути Бенямина такова, что мы узнаем невероятно много. Пусть лишь малая доля выводов Айленда и Дженнингса действительно нова, рисуемая ими картина заставляет нас позабыть о популярном образе Бенямина — «маргинала, непризнанного гения, чьи радикальные идеи сумели оценить лишь последующие поколения»³, непрактичного и бедного, неудачливого в любви и на литературном поприще, «бродяги, похоронившего себя среди книг»⁴, «чужого для всех»⁵.

В действительности, если отвлечься от юношеской попытки защитить диссертацию (провал которой вполне объясним, учитывая сложность работы), Бенямин вовсе не был незаметным представителем культуры поздней Веймарской Германии — всегда хватало и поклонников, и заказов. Он успешно сотрудничал со многими изданиями, его «Улица с односторонним движением» получила восторженные отзывы, даже *Trauerspiel*, вышедший отдельной книгой, подробно обсуждался и в научных изданиях, и в ведущих литературных журналах того времени.

К тому же Бенямину не довелось страдать от социальной или интеллектуальной изоляции. Читателя наверняка поразит, со сколькими знаменитостями Бенямин дружил, был знаком, встречался и сколько из них были его поклонниками. В круг его общения в Германии входили Шолем, Блох, Кракауэр, Гофмансталь, Ауэрбах, Адорно, Хоркхаймер, Андерс, Арендт, Брехт, Корш, Дёблин, Мохой-Надь, Курциус и Лео Штраус, не гово-

2. Барочная драма (нем.). — Прим. пер.

3. Bernstein M. A. Walter Benjamin: Apocalypse and Memory // Five Portraits: Modernity and the Imagination in Twentieth-century German Writing. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2000. P. 93.

4. Inglis F. A Wanderer who Buried Himself in Books // Times Higher Education Supplement. 2000. № 1430. P. 24–25.

5. Parini J. Benjamin's Crossing. N.Y.: Henry Holt, 1997.

ры о друзьях юности. А после эмиграции во Францию, оказавшись в гораздо более сложных обстоятельствах, он общался или приятельствовал с Батаем, Клоссовски, Монье, Ароном, Валем, Жидом, Поланом, Мальро, Кожевным, Лейрисом и Кайуа. Впрочем, труды его не остались без внимания и там: перевод «Произведения искусства в эпоху его технической воспроизводимости», отредактированный Ароном, привлек к нему Мальро и других.

В материальном плане Беньямин принадлежал к более зажиточной среде, нежели Адорно. На протяжении практически всей жизни он располагал достаточными средствами: до конца 1920-х годов он мог позволить себе путешествовать, коллекционировать, играть в азартные игры. Причиной последующей нищеты стало дурное обращение с женой Дорой, чьи средства он брал и с которой затем развелся при столь некрасивых обстоятельствах, что суд постановил передать ей в качестве компенсации его наследство.

Подробности этого поворота в жизни Беньямина впервые открылись, когда в 1991 году Ханс Путтнис и Гэри Смит в своей «Беньяминиане» опубликовали два исполненных страданием и гневом письма Доры к Шолему, повествующих о поведении мужа, и вердикт суда. Благородство Доры многое значило для Беньямина под конец жизни: не переставая восхищаться им как писателем и мыслителем, она не только вскорости его простила, но и в меру сил продолжила ему помогать. Айленд и Дженнингс — в отличие от Шолема, или Путтниса, или Смита — не обвиняют Асю Лацис в том, что та якобы заставила Беньямина развестись, чтобы затем выйти за него замуж и получить немецкое гражданство. Чутко и бережно отнесшись к сексуальной составляющей жизни Беньямина, они упоминают о его отношениях с различными женщинами, но не строят никаких догадок.

О самой Лацис и о чувствах Беньямина к ней говорится скупо. Главное откровение авторов — предположение о наличии связи Беньямина с Гретель Карплус незадолго до ее свадьбы с Адорно. Замечая, что Беньямин зачастую попадал в любовные треугольники, авторы не предоставляют ни его психологического портрета, ни даже телесного образа, который был бы сравним со знаменитым описанием из мемуаров его подруги, лесбиянки и сексолога Шарлотты Вольф. Тональность, избранная биографией, не предполагает ничего подобного — это спокойное, тщательно выполненное, размеренное повествование, почти никогда не стремящееся копнуть глубже.

Если сдержанность призвана развенчивать мифы, то ее можно считать достоинством. Но и она может ограничивать, что видно при сравнении книги с вышедшим практически в то же время трудом Стивена Паркера о Брехте⁶. Исследование Паркера гораздо сильнее в психологическом плане — не только потому, что в нем куда больше потрясающего нового материала о Брехте, но и потому, что замысел его гораздо грандиозней: новая биография совершенно преображает образ Брехта, тогда как образ Беньямина почти что не меняется.

Связь между ними двумя всегда составляла наиболее спорную проблему в изучении наследия Беньямина, касающуюся природы его политических убеждений. Два основных истолкования его взглядов, изложенные, соответственно, Шолемом и Адорно, окрашены их общей нелюбовью к Брехту и неприятием коммунизма и пропитаны сионизмом в случае Шолема, а в случае Адорно — атмосферой холодной войны, характерной для ФРГ после 1945 года. Айленд и Дженнингс не разделяют их мнений, хотя канонические собеседники Беньямина придерживаются несколько другого подхода в понимании его жизни.

И все же авторы биографии негласно симпатизируют Шолему, что порой уводит их с выбранного пути. Подробно и долго обсуждая политические убеждения Беньямина до его обращения к марксизму в 1924 году, они говорят о том, что взгляды юного Беньямина не так-то легко считать правыми или левыми:

Беньямин, одобрительно читавший Бакунина и Розу Люксембург — он был «глубоко тронут невероятной красотой и значимостью» писем Люксембург из тюрьмы... в то же время мог вступать в тесные интеллектуальные отношения с консерватором Флоренсом Христианом Рангом и время от времени выписывать роялистскую, реакционную и антисемитскую газету *Action Française* (142).

По их мнению, это и есть яркий пример «противоречивого и подвижного целого», которое являют собой идеи Беньямина.

Показательно тем не менее, что Айленд и Дженнингс оставляют последнее слово в вопросе за Шолемом, утверждавшим в «Истории одной дружбы», что в то время и он сам, и Беньямин придерживались одних и тех же политических взглядов, которые он называет теократическим анархизмом — индивидуалист-

6. Parker S. Bertolt Brecht: A Literary Life. L.: Bloomsbury Methuen Drama, 2014. — Прим. ред.

ским и антисоциалистическим *Weltanschauung*⁷. Это не совсем так. Взгляды юного Беньямина явно неоднозначны; однако совершенно очевидно, что его антигосударственный, мятежный настрой, нашедший выражение в таких текстах, как «Критика насилия», был чужд сионизму Шолема.

Позднее, в предпоследней главе биографии, авторы отмечают, что «Шодем, несмотря на разногласия между ними, оставался самым верным читателем его работ» (573). Это суждение также далеко от истины. Быть может, Шодем был самым верным другом Беньямина, но уж точно не самым верным его читателем. Ведь он сам признался Беньямину, что с трудом заставлял себя дочитывать марксистские тексты, которые тот присылал ему из Парижа в 1930-е годы. Утверждавший, что в воззрениях Беньямина имеется крайне непродуктивная разобщенность между теологическими и материалистическими убеждениями, Шодем, по справедливому замечанию израильского исследователя Баруха Курцвайля, проецировал на его идеи свой идиосинкратический вариант сионистской идеологии, проводя аналогию со связью между Каббалой и раввинистическим иудаизмом.

И напротив, фигура Адорно вызывает у Айленда и Дженнингса гораздо большую неприязнь. В личностном плане у них имеются для этого все основания. Жестокая критика Кракауэра, его бывшего учителя и, возможно, любовника, предпринятая Адорно, когда тот был вынужден эмигрировать в Париж, — постыдный эпизод по любым меркам; неприятие менторского тона Адорно, которым он в 1939 году делает свои «удивительно навязчивые» замечания к работе Беньямина о Бодлере, также вполне объяснимо.

На ранних этапах их переписки Адорно полагал себя учеником Беньямина. Однако позднее ему удалось войти в ближний круг Института социальных исследований:

... понимая, что Беньямин оказался в полной зависимости от института как от почти единственного источника заработка, Адорно полагал, что может диктовать не только тематику работ Беньямина, но и их интеллектуальную тональность (646).

Авторы полагают, что переворот в отношениях ученик — учитель может быть связан также с желанием Адорно удержать Беньямина на безопасном расстоянии от Гретель (он вполне сознательно

7. Мировоззрение (нем.). — Прим. пер.

не пригласил Бенямина на их свадьбу в Оксфорд); в конце концов Адорно «невольнo предал» друга, не приложив никаких усилий для того, чтобы помочь тому перебраться в Нью-Йорк. Но какие бы вопросы ни вызывали личные отношения Адорно и Бенямина, их интеллектуальная связь — совсем другая тема.

В 1935 году, в период напряженных дискуссий с Адорно и Хоркхаймером, Бенямин должен был составить краткое резюме своего проекта «Пассажи», тогда еще только зарождавшегося. Описание последовавшего за этим спора между Адорно и Бенямином — самая слабая часть книги. В ходе его произошел крайне продуктивный обмен мнениями относительно сути исторического прогресса, действительности политизированного искусства и связи между базисом общества и его надстройками. К сожалению, место хоть сколько-нибудь вдумчивого анализа теоретических результатов дискуссии занимают домыслы — пускай и убедительные — относительно личного соперничества между философами. Более того, в случае с «Произведением искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Айленд и Дженнингс вообще забывают о знаменитом споре, который Адорно и Бенямин вели в связи с этим эссе.

В целом собственные взгляды авторов биографии мешают им последовательно представить многие ключевые труды Бенямина. Айленд и Дженнингс чувствуют себя совершенно свободно в сфере обсуждения немецкой литературы и веймарской культуры; их критические введения к эссе Бенямина, входящем в курс немецкой литературы, часто оказываются выше всяких похвал. Напротив, сталкиваясь с текстами явно политического характера, они чувствуют себя менее вольготно.

К примеру, «Критика насилия» (1921) и знаменитые тезисы «О понятии истории» (1940) — часть корпуса работ Бенямина, очевидно теоретизирующая природу классовой борьбы. Айленд и Дженнингс посвящают ей всего две с половиной страницы; на менее значимое эссе Бенямина, посвященное «Избирательному родству» Гёте, они тратят семь страниц. При этом недооценка политического *cursus* — не проявление враждебности. О революционном настрое Бенямина всюду говорится беспристрастно, но и безразлично. Отсутствие интереса, безусловно, во многом объясняется последствиями холодной войны: в таком контексте гораздо проще считать революционные идеи некоей позой, безобидным пережитком прошлого.

Итак, недостаток данной биографии состоит прежде всего в отсутствии интереса к политическим идеям Бенямина и их разви-

тию, а не в некоем современном их искажении. Да, имеющегося материала действительно часто не хватает, однако из него все-таки можно составить достаточно связную картину. Очевидно то, что личность Бенямина необычным образом сочетала независимость и непримиримость. Пребывание в Москве позволило ему сохранить рассудительное отношение к СССР: его представление об этой стране сформировалось на почве восхищения работами Троцкого, которое он разделял с Брехтом (последний назвал Троцкого «величайшим из ныне живущих европейских писателей»); на него не повлияли уловки Коминтерна — находясь во Франции, он не испытывал интереса к Народному фронту. Здесь совершенно необходима тщательная реконструкция его пути после того, как он, будучи на Капри, обратился к историческому материализму.

Высшая же заслуга данной биографии, безусловно, состоит в том, что она впервые демонстрирует «повседневную жизнь» Бенямина англоязычному читателю. Мы узнаем о его особой манере письма, о масштабах его увлечения азартными играми, о его сложностях в отношениях с людьми. Однако в этой связи возникает более философский вопрос о природе «повседневной жизни». На самой первой странице своей миниатюрной автобиографии «Берлинское детство на рубеже веков» Бенямин делает важное замечание об отличии «случайного» личного опыта от коллективного опыта целого поколения. Затем он переходит к описанию того, что полагает архетипическим опытом юности на рубеже веков. Аналогичным образом Бенямин всегда считал свои коммунистические убеждения продуктом экономического краха и фашизма, с которыми столкнулось все его поколение.

На страницах данной биографии таких коллективных воспоминаний нет. Выбрав для повествования о личности Бенямина «строго хронологический» порядок, Айленд и Дженнингс попытались сделать так, чтобы факты в общем и целом говорили сами за себя. При этом они не стали уделять внимание тем примерам, которые Бенямин сам для себя ставил, когда писал о жизни и творчестве повлиявших на него Бодлера, Кафки, Крауса, Пруста. Гораздо более продуктивным способом продемонстрировать духовное развитие Бенямина стала бы стратегия, которую он сам применял, выбирая конкретную личность и через нее «вскрывая» целую плеяду окружавших ее исторических персонажей. Бенямин не считал личность авторов ключом к пониманию их текстов — он всякий раз стремился обнаружить в них следы породившей их совокупности социальных явлений.

Настоящей биографии недостает практического представления не только о том, как социальный и политический строй того времени повлиял на идеи Беньямина, но и о том, как сам Беньямин ему противостоял. Айленд и Дженнингс часто напоминают читателю:

Беньямин проникся убеждением, что традиционная историография, основанная на своего рода повествовании, предполагающем гомогенную преемственность и неизбежность процесса исторических изменений, «призвана скрыть революционные моменты истории» (635).

Однако они сами не замечают, что их собственное описание жизни Беньямина фактически продельвает то же самое. Выходит, что биография мыслителя, столь пылко и настойчиво пытавшегося разрушить традиционную историографию, демонстрирует резкий диссонанс между формой и предметом повествования.

К какому же выводу мы приходим в итоге? Подсказка кроется в фигуре Бодлера. Книга «Вальтер Беньямин: критическая жизнь» выдвигает идею о схожести их судеб:

Самые заметные аспекты биографии Бодлера — безденежье, обрекавшее поэта, так и не получившего признания, к внутреннему изгнанию, а затем, под конец жизни, и к добровольному изгнанию в Бельгию, — в значительной степени соответствовали положению самого Беньямина (639).

При этом авторы полагают, что глубинная связь между Беньямином и Бодлером имеет под собой, скорее, философскую основу: оба оказали значительное влияние на наше понимание современности, ее чувства времени, ее скрытой жестокости. Сравнение может показаться провокационным в силу других причин.

Когда Беньямин в конце 1930-х годов стал писать о Бодлере, он признавал, что освобождает поэта от ига мифа. В то время основное видение Бодлера, предложенное поэтами в духе Штефана Георге, ориентировалось или на его мистицизм, или на его реакционные политические взгляды. Вот почему, начав заниматься Бодлером, Беньямин написал, что для спасения поэта нужно разрушить «рамки буржуазного мировоззрения». В сегодняшнем мире вновь созданный им образ Бодлера как квинтэссенции современности — образ отчужденного, изгнанного, замкнутого человека — оказался столь успешным, что уже стал общепринятым.

Дерадикализованный Беньямин, ставший предметом научных исследований в 1980-е годы, оказался сильнее, чем представители научных кругов. Вполне возможно, мы имеем дело со странным диалектическим переворотом, в результате которого общепринятое видение Беньямина все более мифологизируется.

Блэр Огден